

мыслию и исповѣдую, создаетъ вѣчную несокрушимость моему самоутвержденію. Истина не разрушается ничѣмъ частнымъ, она есть сама вѣчность. Душа всегда остается утвержденной на ней и ни смерть, ни скорби ее не уничтожатъ.

«Умираетъ ли сынъ, погибаетъ ли то, что я люблю—вспомнишь Бога и все станетъ хорошо и ясно».

Убѣжденіе это приходитъ не со стороны и нельзя его усвоить извнѣ; ребенокъ приходитъ на свѣтъ со смутнымъ сознаниемъ истины, душа человѣческая, выражаясь словами святыхъ отцовъ церкви.—христіанка. Нужно дать ростъ зерну религіознаго сознанія, заложенному въ каждой душѣ.

Жизнь въ законахъ плоти, матеріи Толстой считаетъ стѣснительной, тюремной для сознанія. Совпадая въ выраженіи этой мысли съ нѣсколькими мыслителями, проповѣдовавшими аскезу, возобладаніе духовности надъ ослабленнымъ насильно тѣломъ, Толстой опирается здѣсь ни на какія-либо умо-заключенія, а, какъ это довольно явственно звучитъ у художника, на опытъ чувствъ. Самосозерцательность, художественная внимательность къ явленіямъ міра и въ томъ числѣ къ самому себѣ, не разъ служила подспорьемъ Толстому-мыслителю, и тамъ, гдѣ онъ опирается на опытъ беллетриста, на проци-